

Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

Василий Шукшин:

Там по будням все дождь и по праздникам дождь...

(Литературное исследование жизни и творчества последнего писателя-деревенщика

к 23 июля 2012 года - 83-летней годовщине со дня рождения)

Василий Макарович Шукшин (25.07.1929 - 2.10.1974) был последним из деревенщиков. На нем закончились не только они - истовые, настоящие, исстрадавшиеся, не поддельные, но и сама деревня.

Василий Макарович маялся, много пил и не понимал, что произошло и происходило на этом белом свете. Все его попытки обрести покой и пристать к берегу ничем не увенчались. Душа его так и не узнала покоя... Почему?

Давайте вместе с читателями библиотеки «Фолиант» и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** попробуем поближе познакомиться с биографией писателя и определить для себя, что же случилось с ним на самом деле.

Казалось, все было хорошо в эти шестидесятые. Хрущев выдал паспорта, больше не стреляли, не арестовывали, не раскулачивали. Крестьянин впервые после «лихих тридцатых» наелся досыта.

С каким сладострастием и удовольствием описывает Шукшин достаток деда в рассказе **«Космос, нервная система и шмат сала»!** Сало еще прошлогоднее, окорок добрый, пуда на полтора, бочки, бочонки, кадки, кадушки, боровы, утки, куры, корова... Сыты, обуты, одеты... Даже городские модные сапожки один муж привез из города своей жене, да не налезли они на крепкую сельскую ногу, дочери достались...

Все хорошо, но банька истоплена не по-белому, а по-черному. Нет очищения, нет сил и решимости орать на весь белый свет...

Василий Шукшин мощно вытолкнул в мир своих растерянных земляков, бестолковых, бесхитростных, неуклюжих, искалеченных советской историей, жертв города, который сорвал их с насиженных вековых гнезд и отправил кого-то в ГУЛАГ, а кого - строить мировой коммунизм на отдельно взятом Алтае.

В его творчестве есть три князя Мышкина: Семка Рысь из рассказа **«Мастер»**, готовый бесплатно реставрировать ненужный атеистической державе красивый храм; Вася Князев из рассказа **«Чудик»**, отдавший как находку свои же 50 рублей и расписавший розочками коляску городского племянника; Андрей Ерин из **«Микроскопа»**, купивший на свои кровные 120 рублей микроскоп вместо детских шубок.

Но есть и зловещие примеры: демагог и садист Глеб Капустин из рассказа **«Срезал»**; чуть не совершивший убийство Спирька, первобытный красавец-бандюга из **«Сураза»**, непуतेво застреливший не мужа любимой учительницы, а себя.

Да и положительный Егор из «Калины красной» что-то не о том спрашивает отца «заочницы» Любы. Пусть шутка, но нехорошая: про то, не служил ли он у Колчака и не воровал ли колоски на колхозных полях.

А Колька Паратов (тоже самоубийца) из рассказа **«Жена мужа в Париж провожала»** стал пить и рассорился с женой Валею из-за того, что она - частная портниха и зарабатывает триста чистыми (в них было спасение, в этих цеховиках, будущих кооператорах).

Полная переделка: **«Там по будням все дождь, дождь, дождь, и по праздникам дождь, дождь, дождь, а деревня чужая, а деревня большая».**

Шукшин силой своего таланта и природного крестьянского чутья угадал этот неизбежный конец, до которого было еще верных двадцать лет, особенно на его родном Алтае. Льяной голубоглазый мир, который Шукшин любит и тщетно пытается идеализировать, обречен. Все идет не так и не туда. Почему?

Робить надо, вот и благодать настанет

Василий Шукшин родился 25 июля 1929 года и вырос при советской власти, придавленный к родной земле ее мягкой тяжелой лапой, вбитый, как все его поколение, по грудь в землю. Он мечтал ходить в сапогах, как Сталин. Он вступил в КПСС в 1955 году, еще до XX съезда, чтобы учиться во ВГИКе, в Москве.

Баня часто фигурирует в его рассказах и даже в фильме *«Калина красная»*, но этот белый пар Шукшину не достался, он говорил много лишнего, но не столько, сколько надо было. Он не угорел, и пар горячий не развязал ему язык. Его баньку, как у всех советских людей, топили волоком, по-черному, и дым клубился и ел глаза, и душно было в этой баньке и в этой стране.

Кажется, Шукшин так и не понял, что его мир обречен из-за колхозов, из-за отсутствия частной собственности на землю, из-за гибели миллионов «единоличников» и «кулаков». И его истинным героем должен был стать именно дед, который работал от темна до темна и именно на себя, а не сторожем или на колхозной пасеке.

Вот она, протестантская этика: *«Робить надо, вот и благодать настанет»*. А квартирант деда, Юрка, обвиняет его в «кулацком уклоне». И Шукшин явно на стороне Юрки, которому льстит, что испуганный дед говорит, что «раньше» он, Юрка, был бы комиссаром.

Старик боится не ЧК, а вполне конкретного уменьшения приусадебных участков, у него под огородом четыре лишних сотки. Русскому крестьянину, что на Алтае, что под Курском по-прежнему считали его землю, выданную сельсоветом, на метры, а колхозную считай хоть на мили - она не была нужна никому.

Этот прижимистый дед-скопидом, умевший солить сало, умевший правильно кормить свинью (недельку покормить, как следует, недельку помариновать, тогда оно и будет слоями: слой сала, слой мяса), жалевший денег на опохмелку, - вот и все, что осталось от робкого и темного, русского, некрасовского крестьянства, строгого к себе и другим, богобоязненного, чистого телом и душой. Такими были родители Васи Шукшина.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде.
Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Такой была мать писателя, **Мария Сергеевна**, в девичестве **Попова**, уроженка села Сростки Бийского района Алтайского края. Таким был и работяга - отец, **Макар Леонтьевич Шукшин**, родившийся в 1912 году. В 1929-м у них родился сын **Вася**, а через два года - дочь **Наталья**.

Мать и дочь жили просто и бесхитростно, не в думах, а в трудах, и потому жили долго. Мария Сергеевна дожила до января 1979 года, а Наташа - даже до июля 2005-го, вполне вкусив и гордости, и журналистско-туристической суеты по поводу славы любимого брата.

Но вот наступает 1933 год, и эта пыточная коллективизация докатывается до Алтая. Василию четыре года. Его молодой (ему был 21 год) отец был арестован и расстрелян, якобы, за «повстанческую деятельность».

А вдруг правда? Вдруг он был одним из немногих, кто сопротивлялся, вдруг он «хотел дать нам волю» и стал прототипом того Стеньки Разина, о котором его сын всю жизнь пытался снять фильм? Но, скорее всего, он был смиренным и покорным пахарем и механизатором, работал на молотилках и даже не знал, кого ему проклинать. Так ушли в ГУЛАГ и не вернулись миллионы русских мужиков, ушли без слова упрека, молча.

Оставшись с двумя ребятами на руках, Мария Сергеевна хотела убить себя и малышей, ей минуло только 22 года, было от чего на всю жизнь испугаться. Но потом одумалась и стала бороться за жизнь детей. Вскоре ее взял замуж хороший человек, **Павел Куксин**, односельчанин.

Сын врага народа

Павел Куксин погиб на фронте в 1942 году, а малолетний Вася до получения паспорта был записан Поповым, на материнскую девичью фамилию. Он смог доучиться только до седьмого класса, потом пришлось зарабатывать на хлеб. Васе было не до детства, не до игры. Он рос гордым и замкнутым, всегда серьезным, и требовал, чтобы его называли Василием. Замкнутый Василий не принимал насмешек: сразу убежал в горы, а то в протоки реки Катунь, на острова, и прятался там по нескольку дней.

После семилетки он пошел в Бийский автомобильный техникум. Это дело считалось тогда хлебным. Но долго он этой технократической эпопеи не выдержал, мальчик был явно лирик, а не физик. Потеряв два с половиной года, в 1945-м он пошел работать в колхоз в своем же селе Сростки.

Потом работал слесарем на турбинном заводе в Калуге и на тракторном заводе во Владимире, строил и электростанцию под Москвой, и какой-то мост на станции Голицыне. Это были не университеты, а каторга ради куска хлеба.

В 1949 году Шукшина «забрили» в армию, куда он вовсе не стремился. К счастью, он попал на флот, где тогда было сытно (похоже, он впервые наелся досыта - за все свое босоное деревенское детство и отрочество) и не так тяжело с муштрой. Вот только не получилось из Василия Шукшина радиста согласно «диплому» из учебки. Попал он на Черноморский флот, в Севастополь. И это было тоже хорошо: тепло - ни тихоокеанских ветров, ни северных льдов.

Правда, его скрутила язва желудка, которая будет потом мучить всю жизнь, и без того к нему неласковую. Были шторм, волны и качка. А он лежал в шлюпке, скорчившись от боли, и кричал товарищам, сидевшим на веслах: «Ребята, ребята, довозите!» Он плакал от боли и стыда, но криков сдержать не мог. Едва до госпиталя довели, потом его комиссовали.

В 1953 году Шукшин, упорствуя, возвращается в родные Сростки и сдает экстерном экзамен на аттестат зрелости. Он много читает, ищет Бога и истину. И это нисколько не мешает ему, беспартийному, трудоустроиться инструктором райкома партии.

Потом он преподавал словесность в деревенской школе для учащихся пятых-седьмых классов. Его сделали директором. Видно, и в райкоме, и в сельских школах с грамотными людьми после страшной сталинской жатвы, когда под серп пошла прежняя, еще народническая, интеллигенция, было очень плохо.

В роли ангела

В этот период Василий встречает красавицу **Марию Шумскую**, которая всем женихам предпочла Шукшина, она считала его ангелом. Мария была из семьи крепких крестьян и даже с приданым: отец ее работал в торговле. В 1955 году они поженились. Маша до конца своих дней работала в Сростках учительницей немецкого языка, хранила письма писателя.

Они не разводились, хотя «разводное письмо» Шукшин ей послал. Но он просто потерял паспорт, а вот она осталась ему верна до самой смерти. С Машей вышло не по-человечески, потом он сам это признавал. В недолгие месяцы их брака он делился с ней, говорил, что хочет быть похожим на великих людей - на Джека Лондона, Ленина и Сталина (!)

У Шукшина, так же как и у его персонажей, в голове была порядочная каша - советская действительность не оставила бедным крестьянам ни руля, ни ветрил, ни точки опоры. Хорошо, если оставляла жизнь. Но упорный самородок, в котором, как жемчужина в раковине, вызревал талант, что-то писал в толстую амбарную книгу и решил ехать в Москву и стать писателем.

Безропотная мать продала корову и снарядила сына в дорогу. Вид у него был тот еще: сапоги, гимнастерка, тельняшка. А с Машей он увидится еще только один раз, мельком, в 1964 году. Перед ним лежала Москва, и ее надо было завоевывать.

Страдать, читать и учиться

Шукшин, с его неприбранным, мучительным, непосильным и непонятым для него талантом, для надменных горожан был «деревней», «лимитой». «Миль пардон, мадам»- эту фразу хотели бы сказать все деревенщики и деревенские жители в ответ на городское пренебрежение. Шукшин сказал это словами Броньки из одноименного рассказа «*Миль пардон, мадам*».

Василий пришел сдавать экзамены, бедный, но партийный (страх оказаться сыном «врага народа» застрял в горле, как кость). Собственно, в КПСС он вступил на первом курсе. Однако советскую власть парень ругал последними словами, не умея держать камень за пазухой. И педагоги ВГИКа боялись, что их посадят вместе с ним. Ведь в Литинститут его не взяли (не было публикаций), и он рванул со своим амбарным гроссбухом новелл сразу во ВГИК и в Историко-архивный. Один раз ночевал на скамейке, его разбудил **Иван Пырьев**, привел к себе ночевать, поил чаем.

Во ВГИКе он начал с того, что наорал на экзаменатора **Ромма** (только сдавая документы, он узнал, что есть режиссерский факультет, а раньше думал, что актеры сами договариваются, как снимать). Ромм упрекнул его в том, что он некультурный человек, Толстого не читал. А Шукшин стал кричать, что директор добывает дровишки, школу ремонтирует, ему читать некогда. Хотя он много читал, но именно «Война и мир» ничего не могла ему дать.

Ромм, провидец, угадал талант и взял его к себе. Опекал, учил пристраивать рассказы из гроссбуха. А потом Шукшин стал вполне интеллигентом (страдать он умел, оставалось читать и учиться), его талант обрел свое оперение, свой стиль.

В 1956 году в герасимовском «Тихом Доне» он сыграет матроса в эпизоде, а в 1958-м - уже у **Марлена Хуциева**, главную роль в фильме «*Два Федора*». Напьется до положения риз перед премьерой, Хуциев будет вызволять его из обезьянника, обещая милиционерам лучшие места в зале... А ВГИК он окончит в 1960-м, получит представление о технике съемок.

Мысль разрешить

Талант Шукшин всегда носил с собой. В 1963 году в издательстве «Молодая гвардия» выйдет его первая книга - «*Сельские жители*». В том же году «Новый мир» опубликует «*Классного водителя*» и «*Гриньку Малюгина*». Кажется, карьера состоялась? Ведь уже в 1964 году он сам снимает свой первый фильм - «*Живет такой парень*», и критика к нему благосклонна. Но ему нужна не карьера, ему нужно «мысль разрешить».

Снимается он постоянно, но из этих фильмов останется разве «*Комиссар*», остальное - советский мейнстрим («*Ваш сын и брат*», «*Простая история*», «*Мы, двое мужчин*», «*Освобождение*»). Шукшин понимал, что играет в ерунде. Он замыслил снять «Степана Разина», замыслил и стал читать литературу уже в 1965 году. И тогда же решил сделать сатирический фильм «*Точка зрения*».

Но к «Разину» критика отнеслась кисло, а что касается сатиры, то ему было ясно сказано, что «*накануне 50-летия советской власти смех и сатира неуместны*».

Это вызвало у Шукшина такой прилив отчаяния, что коллеги боялись его самоубийства. У него не было толстой кожи, а вранье и лицемерие вызывали одно желание: пойти в кабак. Он не веселья жаждал, а скорби искал, как Мармеладов.

Кстати, мир Шукшина - это мир Достоевского с поправкой на советскую действительность.

Белла, Виктория, Лидия....

Были и женщины. Приписывают ему роман с **Беллой Ахмадулиной**. Правда или нет, мы не узнаем: не спросишь же у Беллы Ахатовны; но они общались, и это общение с утонченной аристократкой и умной поэтессой, конечно, было полезно Шукшину.

В 1963-м его дорогу пересекла и в 1965-м родила ему дочку **Катю** образованная и добрая **Виктория Софронова**. Но тут приключился роман на всю жизнь, внезапная страсть вспыхнула к красавице **Лидии Федосеевой**, с которой они вместе ехали в Судак на съемки фильма *«Какое оно, море?»*.

Бедный писатель никак не мог выбрать, метался, страдал; Виктория его гнала, а Лидия, как положено русской бабе, терпела все. Она подбирала Шукшина у дома, несла на себе в лифт, чуть не родила досрочно. И вот появляется **Машенька** (сейчас у нее двое шикарных близнецов и успешная карьера актрисы и телеведущей). Машенька родилась в 1967 году. **Оленька**, тоже актриса, в 1969-м. Дочки и терпеливая Лидия спасли Шукшина, он совершенно бросил пить.

Ценой жизни

Он все прочел и стал вровень со столичной элитой, а по таланту - куда выше. Поручкой тому его последняя сказка, горькая сказка об Иване-дураке, справке, Змее Горыныче и Бабе Яге - *«До третьих петухов»*.

Он снял страшный фильм о смертном искуплении за грехи (*«Калина красная»*, 1974 год). Он успел написать *«Любавиных»* - свой эпос про «раскулачку».

Он снимал, белея от боли, с язвенными приступами, снимал буквально ценой жизни. Хотел снять фильм о Стеньке, о свободном и гордом Стеньке, который попер против власти, ничего не боялся и смело принял муки в застенке и на эшафоте.

Он не снял «Степана Разина», но написал роман *«Я пришел дать вам волю»*. А умер на съемках, на теплоходе, 2 октября 1974 года. Страх провожал его в могилу. **Георгий Бурков** шепотом рассказывал о запахе корицы «инфарктного газа», который якобы пустили ему в каюту.

Таксисты Москвы хотели почтить его гудками, проезжая мимо Дома кино, где проходило прощание. Из Союза кинематографистов стукнули, и КГБ предотвратил. Наверное, впервые Шукшин стал свободным в гробу, украшенном красной калиной.

...Я пришел дать вам волю. Шукшин всю жизнь мечтал о таком человеке, который дал бы волю ему и его односельчанам.

Никто не пришел. До сих пор.

Литература:

1. **Балаяшова Е.** Угнетенный до гения//Крестьянка. - 2009.- № 7-8.- Стр.38-45.
2. **Новодворская В.** Истоки ты мне баньку по-черному /Валерия Новодворская// Медведь. - 2010-№7-8- Стр.78-81.
3. **Раззаков Ф.** Василий Шукшин// Звёздные трагедии. - М., Эксмо, 2007.
4. **Толчёнова Н. П.** Слово о Шукшине. - М.: Современник, 1982. - 160 с.
5. **Чащина Л.** Если бы Шукшин не ломал меня так грубо, я осталась бы его другом на всю жизнь/ Лидия Чащина//Факты и комментарии.- 2000.- 23 августа.